

Вырезка из газеты
ЗНАМЯ

г. Калуга

КНИГИ ПРИОКСКОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

Перечитываемая Бунина

Заметки о книге Н. Кучеровского «И. А. Бунин и его проза»

В многовековой истории России эпоха «трех революций», эпоха, укладывающаяся примерно в двадцать пять лет, предшествующие Великому Октябрю, стала едва ли не самой сложной, драматичной и противоречивой. Менялась общественная атмосфера, менялись прежние устоявшиеся представления о человеке и его потенциальных возможностях, менялось отношение личности к массе и массы — к судьбе отдельного ее представителя. И в области искусства, и в особенности литературы, как известно, тоже происходили колоссальные перемены — результат острейших битв между собой разного рода художественных течений, направлений и методов. В огне этих сражений мужала и крепла новая, пролетарская, литература, возглавляемая Максимом Горьким.

В борьбу против революционного искусства писателем горьковского направления выступили многочисленные отряды декадентов, поднявших черные флаги анархизма и аполитичности. «Фантастическая метель модернизма» (Короленко) пыталась заглушить яркое сияние на небосклоне русского искусства «созвездия Большого Максима». Но тщетны были надежды врагов демократии: живые семена пролетарской литературы дружно вззошли, заколосились и дали невиданный урожай.

Это была славная победа передовых сил творческой интеллигенции! Но победа эта далась отнюдь нелегко. В самый разгар революционных битв 1917 года многие из недавних друзей Горького (в сущности весьма талантливых представителей искусства слова) скатывались на позиции буржуазного ревизионизма, а иные становились прямыми врагами восставшего народа. Так случилось и с Иваном Буниным, художником, безусловно, гениального дарования, художником, до тона, до боли сердечной любившим Россию. Но «первый мастер в литературе русской», как величал его М. Горький, Бунин по при-

чине сословно-дворянских предрассудков не понял Великую Октябрьскую социалистическую революцию и, прежде чем навсегда покинуть Родину, оклеветал ее в своей откровенно злобной книге «Окаянные дни».

Как же случилось, что «последний из классиков русской литературы», певец деревни с ее Захарами и Анисьями, изменил своим гуманистическим идеалам? В чем суть трагедии этого художника, о произведениях которого современники с восторгом писали: «Это на столетие! Революцию сделаем, республика будет, а рассказ этот («Захар Воробьев» — А. П.) не выдохнется, в школах будут читать, чтоб дети знали, до чего просто при царях хорошие мужики погибали?»

Какова сущность бунинской эстетической концепции, его взглядов на жизнь вообще? В чем секрет возрастающего с каждым годом интереса читателей к творчеству названного художника? На эти, равно как и на многие другие вопросы, даст ответ недавно вышедшая в Приокском издательстве книга доктора филологических наук Н. М. Кучеровского «И. А. Бунин и его проза (1887—1917)».

Николай Михайлович Кучеровский (1922—1974) автор статей об И. Тургеневе, Г. Успенском, А. Чехове, не один год посвятил изучению литературного наследия Бунина. «Не обходя сложных и спорных сторон мировоззрения и творчества писателя, — отмечал журнал «Филологические науки» в 1974 году, — Н. М. Кучеровский в своих статьях убедительно показал силу и слабость прозы И. Бунина».

В центре внимания книги Н. Кучеровского находится одна из сложных проблем в

буниноведении — проблема эстетической концепции жизни в прозе Бунина, понимаемая исследователем как «единство взглядов писателя на жизнь, достигаемое в сознательном акте художественного творчества».

Книге предпослана небольшая аннотация, в которой, в частности, говорится: «Автор показывает, как от все более сгущающегося пессимистического взгляда на крестьянство писатель приходит к произведению, вселяющим веру и надежду...».

К сожалению, подобное утверждение противоречит идеям содержания книги. «Веру» и «надежды» в творчестве Бунина было гораздо меньше, нежели бы этого хотели: их не было ни в «Деревне», ни в тех произведениях, в которых он смог подняться на небывалую высоту в осуждении капитализма (рассказы «Братья» и «Господин из Сан-Франциско»).

Н. Кучеровский последовательно, год за годом, раскрывает внесоциальность Бунина как художника. Не случайно даже свое «тяготение к толстовству» (90-е гг.) Бунин пытался объяснить стремлением освободиться от «всяких общественных уз». Это желание уйти от проклятых вопросов времени, культивирование мотивов одиночества, вырождения, тайн смерти и т. п. мешали Бунину-реалисту окончательно сблизиться с Горьким, писателем ярко социального, революционного направления. Горький недоумевал, как это Бунин, художник столь огромного дарования, не может свой талант направить на критику буржуазно-помещичьего строя. Бунин, в свою очередь, заявлял накануне 1905 года: «У меня не только пропадает всякая ненависть к крепостному времени, но я даже невольно начинаю поэтизировать его... Право, я ждал бы пожить прожитым помещиком!». Этой мыслью, как убедительно доказал Н. Кучеровский, была проникнута бунинская эпита-

фия «Антоновские яблоки», вызвавшая появление на свет известной пародии Куприна «Пирог с груздями». И в 900-е годы, как и в 90-е, Бунина, по словам Кучеровского, «стремится обрести вневременную гармонию сочтаний «прекрасного и вечного».

Но как бы ни хотел Бунин спрятать под маску печальности лиризма и внесоциальности свое «бессилие разобрататься в бедах и горестях... народа», жизнь заставляла его обращать внимание на причины «идиотизма» жизни деревни 1910 года. В результате появляются такие его выдающиеся вещи, как «Деревня», «Суходол», «Веселый двор» и другие произведения, в которых автор подслушал «заглушенный стон о родной земле». Исследователь на глубоком идейно-эстетическом уровне дает трактовку этих произведений в центральных главах книги, приводя многочисленные архивные и малоизвестные источники.

В пору создания Буниным «Деревни» и «Суходола» русская литература билась над решением таких сложнейших проблем, как народ и революция, народ и интеллигенция, сущность русского национального характера и другие. Можно сказать: на разных полюсах одного, реалистического, метода отражения действительности, в том числе — в решении этих проблем, оказались два наиболее выдающихся художника конца XIX — начала XX века — Бунин и Горький. Писатели демократического лагеря «меньшего ранга», как правило, тяготея к одному из них.

Размышляя о влиянии первой русской революции на русский характер, Горький отвечал, что она вывела народ от «фатализма и пессимизма». В своей знаменитой повести «Лето», создаваемой в одно время с бунинской «Деревней», Горький приветствовал «праздник» пробуждения России от многовековой спячки. Революцию он понял как «выздоровление».

Иначе отвечал на этот вопрос Бунин. До слез любя свой народ, он увидел в революции

не возрождение, а гибель, на что и указывает Н. Кучеровский. Оставаясь реалистом-психологом, Бунин пришел к крайнему историческому пессимизму и к идее о национальной катастрофичности. Но надо отметить и то, что Бунин не стал бы великим мастером слова, если бы, как говорил Горький, он не «отслужил панихиду по... сословию своему», Гибель дворянства он объективно-исторически связал с эпохой первой русской революции. И в этом смысле Н. Кучеровский с полным правом имел основание вспомнить, анализируя повесть «Суходол», известное суждение Ф. Ингельса о Балзанае, о «победе реализма» над классовыми предрассудками художника. Тем и дорог нам Бунин, что, подавляя в себе стон по родной земле, он создал изумительный по красоте и нравственной чистоте образ русского богатыря Захара Воробьева (рассказ «Захар Воробьев»), который всю жизнь мечтал «сделать что-нибудь удивительное». «В рассказе, — справедливо отметил Кучеровский, — прорывается горьковское восхищение человеком, красотою, силой и величием его возможностей», хотя и в данном случае идея катастрофичности жизни русского человека не покинула писателя.

Вдумчивый и мудрый исследователь, Н. Кучеровский объективно и беспристрастно судит и о силе, и о слабости «творческого подвига Бунина», раскрывая не только его «вселенский» пессимизм, но и чувство сострадания к «без вины виноватым», как и чувство «прощения виноватых». Будучи уже за границей, в 1924 году автор «Деревни» публикует рассказ «Роза Иерихона», в котором, как представляется, художник сам подчеркнул суть своего дарования: «В живую воду сердца, в чистую влагу любви, печали и нежности погружаю я корни и стебли моего прошлого — и вот опять, опять дивно прозревает мой заветный злак». Именно этот запах «дивного злака» творчества И. А. Бунина и сумел почувствовать и проникновенно и доходчиво донести до читателя Н. М. Кучеровский.

Все мы, ученики талантливого исследователя, прекрасного педагога и ученого, радуемся выходу долгожданной книги и благодарим издательство и редактора М. Г. Кузькина за проделанную работу.

А. ПЕХТЕРЕВ,
кандидат филологических наук.